

Анастасия Денисова, 10 класс

Каждое занятие — яркий момент в нашей повседневной жизни. После трудного учебного дня на журналистике можно расслабиться, пообщаться, повеселиться и просто побыть самим собой. На занятиях можно показать себя с лучшей стороны, узнать что-то новое о людях, о которых, казалось бы, ты знал все.

Пройдя весь курс электива «Азбука журналистики», я могу с уверенностью сказать, что это самое интересное мое внеурочное занятие на протяжении всего года. Здесь можно проявлять себя в новых направлениях, учиться общаться с людьми, делиться своими интересами и показывать, на что ты способен. На занятиях мы делали многое — была и теория, и практика. Наверное, именно благодаря практическим занятиям я поняла, что хочу и дальше заниматься журналистикой. Может, не на протяжении всей своей жизни, но как можно дольше! Надеюсь, «Азбука журналистики» будет существовать еще долго, найдет немало новых талантов. Желаю всем успехов!

Анастасия Денисова, выпускница 2016 года

Дорога, ведущая... А куда она, собственно, ведет? И что это за дорога? Я думаю, что эта дорога наполнена яркими цветами, воспоминаниями и событиями. Буйство красок, и каждый цвет что-то значит. Красный — это цвет праздника, а оранжевый — цвет улыбок и хорошего настроения. Желтый — солнечный цвет, поэтому на ум приходит что-то теплое и домашнему уютное. Зеленый... сразу вспоминается изумрудная трава, луг, усеянный цветами. Голубой — это небо. Бескрайнее и чистое. Синий — море. Спокойное, иногда буйное. Фиолетовый — необычный цветок, который есть один на весь мир.

Это — радужная дорога, ведущая к счастью.

АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

**г. Комсомольск – на – Амуре
Издательский дом «Радуга»
2016 год**

А.Денисова. Живи, Весенняя! Сборник рассказов,-56 стр.
Комсомольск-на-Амуре, 2016 г.

Компьютерная верстка: Е.Ю.Смирнова

Художественное оформление: фотографии из школьного архива выпускников, подбор иллюстраций к рассказам А.Денисовой

Дизайн обложки: художник Диана Лепехова

ДВОР МОЕГО ДЕТСТВА

Двор моего детства похож на огромный парк аттракционов. Все в движении: шуршит, визжит, скрипит, поет. Сияет разноцветными фонариками и пахнет приключениями, опасными и интересными открытиями. В моей памяти до сих пор застыла картинка: дети копаются в песке, надеясь найти сокровища пиратов, или строят дома-небоскребы из податливого материала. Родители сидят в стороне, разговаривая о чем-то настолько бессмысленном, что маленькие путешественники не решаются задерживаться около них дольше минуты. Один мальчик садится на торчащее из земли колесо, представляя, что скачет на коне, размахивая шпагой. Девочки пьют чай из воображаемых кружек и кормят кукол свежеспеченными кексами.

В каждом из этих детей – бесконечно огромный мир, в котором яркой звездочкой сияет что-то поистине прекрасное и захватывающее. И они найдут это «прекрасное» в обычном старом дворике, в обычном маленьком городе, в обычном скучном мире.

Анастасия ДЕНИСОВА, 10 класс

Талантливая писательница, зажигательное солнышко, добрый человек, готовый помочь, в общем, восьмое чудо света! Это всё о ней, Денисовой Настюше! Настолько светлый, весёлый и одарённый человек - просто чудо из чудес! И этот сборник тому подтверждение. Ее рассказы – ничто иное, как волшебство. Нежное, необычное, сокровенное. Я безумно рада, что она мой настоящий друг! Я очень люблю и ценю ее, а поэтому желаю ошеломительных успехов и крутых поворотов, ведь ее жизнь должна быть самой счастливой! И когда она будет это в очередной раз перечитывать, я хочу чтобы она каждый раз вспоминала лучшие школьные годы, полные настоящих чудес, громких, зажигательных событий и веселья!

Хочется сказать тебе от всего сердца большое спасибо за то, что вошла в мою жизнь и смогла изменить её в хорошую сторону. Ты смогла стать не просто школьным другом, но и другом, которого я буду всегда вспоминать с улыбкой на лице и теплом в сердце. Я уверена, что все те сумасшедшие события, которые с нами произошли, ты запомнишь навсегда. И пусть этот последний звонок будет лишь началом твоей долгой и счастливой жизни, карьеристка! Люблю, целую, обнимаю! Это всё для тебя!

Алена ОГОРОДНИК

Денисова Анастасия Сергеевна, для кого-то ты застенчивая незнакомка, приятель, друг. Для меня ты - одна из лучших. Я знаю тебя всего несколько лет, но знаешь, я не жалею, что около 5, а возможно 6 лет назад Антонида Петровна пересадила меня к тебе, ведь я узнала одного из лучших людей на земле. Я надеюсь, что спустя время ты не перестанешь писать свои удивительные рассказы, будешь продолжать черпать вдохновение из окружающего тебя мира, историй, музыки, рассказов друзей. Творческих успехов тебе, вдохновения и всего самого наилучшего.

Анна СУРКОВА

АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВА,

учащаяся 11Б класса,
неоднократный победитель
школьного литературного
конкурса «Легкокрылый
Пегас», призер
муниципального этапа
Всероссийской олимпиады по
литературе, автор
многочисленных публикаций
в школьной газете
«Пластилиновое небо»,
выпускница 2016 года.

КРАТКИЕ И ДОЛГИЕ МИНУТЫ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Строки известного писателя С. А. Маршака «Мы знаем: время растяжимо» стали своего рода афоризмом. И правда, иногда, кажется, что время летит, а иной раз взглянешь на часы, так стрелки едва движутся.

В моей жизни много долгих минут. Я постоянно в ожидании чего-то. Я жду конца скучного урока, жду праздников или выходных; а когда нынешние проблемы станут настолько маленькими, то мне будет смешно, что когда-то они меня беспокоили. Я жду, и от этого стрелки часов идут все медленнее и медленнее.

Однако это не значит, что в моей жизни нет коротких минут. Когда я увлечена любимым делом, когда нахожусь в приятной мне компании, когда меня ничего не беспокоит, то время несется со скоростью света. И не успеешь оглянуться, а позади часы, а то и хуже – года.

Казалось бы, все идет своим чередом. В сутках по-прежнему двадцать четыре часа, а на часах двенадцать цифр. И все же время – понятие растяжимое.

Анастасия ДЕНИСОВА

ЗДЕСЬ ПРОЖИТО И ПОНЯТО НЕМАЛО

другие языки, это очень весело. Также у нас есть общая мечта – отправиться в путешествие в азиатские страны, и я знаю, что у нас получится это сделать!

Дорогая Настюша! В жизни ты уже много добилась и впереди тебя ждет еще немало новых открытий. Как-то однажды ты написала в одном из своих сочинений такие строки: «Мечта – это мой путеводитель. Мечта – это мой помощник. Мечта – это верный друг». Следуй своим целям, своей мечте и слушай свое сердце, ведь оно тебя никогда не обманет.

Это твой первый сборник и далеко не последний! Писателем быть не каждый может, поэтому никогда не бросай писать, потому что ты настоящий талант! Твои рассказы учат многому: замечать мелочи, детали и самое главное видеть прекрасное!

Желаю тебе успехов во всех твоих начинаниях, моя дорогая подруга!

Вера КИСЕЛЕВА

С Настей я дружу уже почти два года! Я очень рада, что нашла такого друга как она. Я ее зову Денчик, потому что, как бы это странно ни звучало, мне нравится ее фамилия.

Настя очень много читает, увлекается поэзией, обожает Deadpool-а, а также любит просто веселиться. Ее смех – это что-то особенное. Стоит ей улыбнуться и посмеяться так она задает атмосферу и у всех хорошее настроение.

Также меня привлекает в ней внимательное отношение к людям, добрый и веселый нрав. Она не раз помогала мне в трудную минуту, за что я ей очень благодарна!

Настя – очень хороший собеседник, который может поддержать любую тему и дать дельный совет. Проводить время с ней – это одно удовольствие. Она как солнышко, которое греет и радует всех своими лучиками.

У нас есть с ней много общих интересов: это и супергерои, и различные фильмы сериалы (особенно корейские), музыка, иностранные языки, да-да, нам очень нравится переводить стихотворения русских писателей на

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ВЫПУСКНИКА ШКОЛЫ

6:30. Звон будильника. Открыла глаза. Закрыла. Еще пять минут...Еще одну минутку...

7:10. Будильник летит на пол. Кто-то упорно тянет одеяло на себя, из-за чего лечу на пол я вслед за будильником. В итоге пришлось вставать. Мама хлопает дверью, причитая: «За что мне это наказание?!». Устала меня будить, бедная...

7:59. Залетаю в школу по звонку. Как назло завуч стоит у входа, ждет объяснений. В голове вертятся множество отговорок, осталось найти подходящую. Проспала? Нет, ее я использовала на прошлой неделе. Больница? Справки нет. Бабушка на пешеходном переходе? Старый век. Снега много? Метель? Да нет, погода сегодня вроде хорошая. Пока выбирала, выпалила вслух все, над чем, собственно, размышляла. Интересное получилось путешествие заблудившегося одиннадцатиклассника.

8:00. Зарядка. Еще больше захотелось спать.

11:30. Сходила в столовую. Получила синяк, сломала ноготь. Как будто побывала на поле боя, а не очередь за едой отстояла. Самые опасные — старшеклассники. Но их понять можно: по семь часов на одном месте сидят, учатся, сколько энергии тратят!

11:50. Опоздали! Говорим, мол, очередь большая, простите нас, больше не повторится. Учитель тяжело вздыхает, записывает что-то в тетрадь. Наверное, считает наши «больше не повторится».

14:00. Закончился урок физкультуры. Вроде бы жива, хотя не совсем в этом уверена.

15:30. Приползла на консультацию. Самое время вспомнить, что ЕГЭ не за горами. Захотелось плакать. Учитель задает

вопрос и, не получив никакой реакции, с мольбой в глазах смотрит на класс, задумываясь о смысле своей работы за последние одиннадцать лет. Плакать захотелось всем собравшимся.

18:00. Очередное мероприятие, о котором узнала только утром. Ох, уж эта непредсказуемая жизнь старшеклассника!

19:30. Я дома. Не против прямо сейчас завалиться спать, но есть одно большое «но» — домашняя работа. Сложно заставить себя сделать задания, но я хотя бы пыталась.

22:00. Конец дня. Неужели! После столь насыщенного дня быстро засыпаю с мыслями о завтрашнем дне.

6:30. Звон будильника...

**ОХ, УЖ ЭТА НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ ЖИЗНЬ
СТАРШЕКЛАСНИКА!**

С Настей судьба свела нас не так давно – каких-то два года. Помню нашу первую встречу: я спросила о дате консультации по литературе. Это было в 9 - ом классе. Мы сидели в 303-м кабинете и готовились к олимпиаде по литературе. Помнишь? Тогда я очень расположилась к скромному, но обаятельному человеку с таким заразительным смехом... А дальше было всё! С каждой встречей было всё интереснее тебя узнавать. С каждым нашим эмоциональным (!) обсуждением или просто беседой мы находили всё больше общих интересов и увлечений (спасибо за твои советы!)

Но сколько бы ни прошло времени с нашего знакомства, одно я могу сказать точно: Настюша, ты настоящий талант! Я всегда заслушиваюсь твоими сочинениями! А какие удивительные рассказы ты пишешь! Оставьте всю суету, все посторонние и насущные проблемы и просто окунитесь в атмосферу рассказа «Поэт, который даже звучал на конкурсе «Школьный артист» в исполнении Анны Сурковой.

Её творчество наполнено потрясающей атмосферой, волнующей глубиной, необычным сюжетом, восхитительным описанием и, казалось, незначительными деталями, которые к концу повествования складываются в единый пазл, в простой узор нашей сложной жизни...

Настенька, мы начинаем новую жизнь, и как бы судьба не распорядилась, я желаю тебе всегда оставаться собой, быть тем глубоким, душевным и внимательным другом, какой я тебя знаю! Стремись к новым открытиям, вдохновляйся, доставай звёздочки с неба, учись и развивайся! И пусть рядом с тобой всегда будут искренне любящие тебя люди!

Анастасия РУЧАК

тихо произносит она. Глупо, наверное, но она постарается.
Парень хмурится, но молчит. Не переубедишь же.
— А сейчас сыграй мне. Ну же, давай.

И он берет в руки инструмент. Невесомо проведя пальцами по струнам, начинает играть тихую мелодию. Глаза слипаются, но она слышит каждый звук, каждый аккорд. Успокаивает.

Она скоро заснет. А он продолжит свою незамысловатую мелодию, смотря на небо. Может, все-таки углядит чудо это?

**Корреспонденты школьной газеты
«Пластилинное небо» - трижды победители
городского конкурса школьных пресс-центров**

Рассказы

Дыш-ш-ши!

Бесцветным утром Люси кутается в шелк из соленых брызг, предрассветной росой остающихся на длинных ресницах. Шум прибоя свистит под ребрами, залетая в легкие морской солью. Ей хочется раствориться в знойном воздухе и добраться до горизонта, касаясь босыми ногами натянутой нити.

Дома ее ждут лимонный чай, письма ушедшим и хмурый взгляд отца, выжигающий на сердце клеймо «недопринцессы». В построенном для нее замке холодные стены, и Люси накидывает на хрупкие плечи плед, пропитанный сладким парфюмом и слезами, пряча книгу с парусами на твердой обложке.

Но они все равно очень красивые. Завораживают. Они как маленькие дырочки, будто чем-то небесный свод проткнули. А может, звезды — это на самом деле рисунок какого-нибудь неизвестного художника? Ведь, если приглядеться, можно подумать, что они всего лишь узор на черном полотне. Это как узор на окне в лютые морозы, только на небе. И, наверное, этот рисунок намного красивей того, что рисует мороз.

— Эй, — почти шепотом говорит она. Совсем тихо, чтобы не разрушить хрупкую ночную тишину. И лишь звон струн может слиться с ней, совсем не портя эту идиллию.

— А как ты думаешь, на звездах есть люди? А вдруг они так же, как и мы, сейчас лежат на какой-нибудь полянке и смотрят на нас? А вдруг?

— Глупая, — грубовато отвечает брюнет. — Не будь ребенком и перестань жить фантазиями. Звезды — небесные тела, подобные солнцу. Там точно не могут жить люди.

— А если не люди? А если какие-нибудь существа?

— Глупая, — повторяет он, продолжая водить пальцами по струнам. — Ты слишком много фантазируешь. Это не серьезно.

— А ты слишком серьезный.

Он хмурится, но молчит. Что ей объяснять? Все равно будет летать в облаках, придумывая всякие странные вещи. А она продолжает смотреть на небо, прислушиваясь к оборванному звукам натянутых струн. На него невозможно обижаться. Хоть и грубый, но родной. Как брат.

— Ну а все же?.. — вновь спрашивает девушка, не смотря на друга.

— Не начинай.

И тишина. Гитара замолкла, когда брюнет отложил ее в сторону. Стало сразу так пусто.

— Знаешь, когда-нибудь я научу тебя верить в чудеса, —

ЧУДЕСА

Тишину разрывает игра гитары. Дрогнув, струна издает чарующий звук. По телу мурашки: не по себе даже. Но хочется слушать и слушать эту мелодию, без остановки, чтобы аккорды, переплетаясь, создавали замысловатую песенку; чтобы, исходя из инструмента, волной отдавались где-то далеко, словно эхо; чтобы заснуть под легкий мотив вперемешку с песней ночных птиц.

На куче сена, подперев руки за головой, лежит девушка. Рядом, немного поодаль от нее, расположился парень с гитарой в руках. Она задумчиво смотрит на ночное небо, мысленно считая самые большие звезды. Девушка вспоминает, что звезды на самом-то деле все большие, даже больше ее самой. Каково же было ее удивление, когда в детстве она узнала об этом. Наверное, разочаровалась даже. В звездах-то.

Романтика приключений, острое ножа и горький привкус рома на потрескавшихся губах — не для принцесс. У недо-принцессы идеальная осанка, заколки для тяжелой прически и изящные руки, чертящие карты и ориентиры, что пылятся под кроватью.

Каждое утро Люси слышит шуршание белой пены, ласкающей босые ноги, и шепот рдеющих волн. Море шепчет: «Дыш-ш-ши». И Люси дышит мечтами о свободе и гордом пирате, забравшем измученное сердце за горизонт. Там солнце ярче ее волос, небо светлее океана, а звезды крошатся в ладонях. Люси верит: Джон рассказывал.

У Джона игривый взгляд и бронзовая кожа. Люси целовала неловко щеки, и морская соль жгла губы; тонула невольно в глубине лазурных глаз и задышалась в чужих объятьях. Она чертила ледяными пальцами на ладонях «п о м о г и» и шептала тихо: «Мне не страшно».

Джон заплетал в звенящие косы яблочные ленты и застегивал бесформенную рубаху, отбрасывая в сторону корсет и жмущие туфли. Нож за поясом, море — пузырится в венах. Он рисовал в ответ «н е у т о н и».

— Там, где я был, таких, как ты, называют принцессами.

У Люси вместо короны — веночек из поломанных крыльев.

— Таких, как ты, называют убийцами.

У Джона на руках — оборванная линия жизни.

Сына моря, его прятали в протухших каютах, боясь странного ребенка. Он прижигал раны и царапал на скрипящих досках «н е х о ч у», а море ласково шептало: «Дыш-ш-ши». И Джон дышал мыслями о свободе и бесконечном океане, наполняющем легкие.

Мальчик из боли и страха натягивал на глаза треуголку и точил изголодавшийся по запаху крови меч. Он отпустил на морское дно оковы, тяжелым грузом тянущиеся с самого

детства.

У Джона на корабле запах крепкой выпивки и приключений, а еще — сумасшедшие попутчики. Люси хмурилась от горького рома и смеялась до колик в животе, прося кареглазую пиратку погадать на картах. Десятка пик* прожигала бочку, и Люси безмолвно уходила в каюту капитана.

— Не волнуйся. Завтра мы отплываем, — Джон целовал подрагивающие веки и сжимал чужие руки, прижимая к груди.

У замка высокие стены, а у короля — жестокий нрав. Люси, словно бабочка, загнанная в стеклянную банку, била кулаками в двери, срывала шторы в истеричном танце и бессильно оседала на пол, задыхаясь в беззвучном плаче.

Отсюда выхода нет. Она дышала на стекла и выводила дрожащее «прости», хваталась за руки, протянутые через распахнутые окна, и писала молящее «о с т а н ь с я».

Джон улыбался осколочно-остро, кусая губы. Рисовал на ладонях «ж д и» и покрывал бесконечными поцелуями, шепча на ухо:

— Я поймаю попутный ветер и прибегу на высокой волне, чтобы вновь увидеть свою солнечную девочку.

У Люси вместо кислорода — синева на дне любимых глаз и теплые руки с оборванной линией жизни. Каждое утро она кутается в шелк из соленых брызг и ждет бегущего по волнам, с надеждой вглядываясь в горизонт.

А море тихо шепчет: «Дыш-ш-ши».

— Джу.

— О, о! А меня Винс, будем знакомы, — запрыгал мальчик. — Давай жить вместе?

— Эй! — стоящий рядом Грей ударил друга по лбу. — Нужно найти ее родителей.

Джу тихонько наблюдала за перепалкой новых знакомых. Винс твердо настаивал оставить ее у себя, а Грей пытался вбить в пустую голову друга то, что у нее есть родители, которые ее любят.

— Вы как мама и папа, — вдруг произнесла девочка. — Тоже постоянно ругаетесь...

Мальчики замолчали, смотря на девочку. Она опустила голову вниз, изредка всхлипывая. Молчание продлилось недолго: Винс вовремя заметил проходящего рядом полицейского.

Джу следила, как двое мальчишек усиленно пытаются объяснить ситуацию полицейскому, перебивая друг друга и активно жестикулируя. Мужчина внимательно слушал их, а затем взглянул на сидящую на бордюре девочку. Когда все трое подошли к ней, то он обещал, что найдет родителей Джу.

— Прощай, — крикнул вслед уходящей девочке Винс. — И скажи своим родителям, чтобы больше не ссорились, а то мы украдем тебя, и ты будешь жить с нами!

— Прекрати, — щелкнул друга по лбу Грей.

— Спасибо, — смущенно крикнула Джу в ответ.

— Знаешь, я бы не отказался хотя бы от ссорящихся родителей, — вдруг произнес Грей уже вечером, вспоминая утренний случай. Винс посмотрел на друга и похлопал его по плечу.

— А я бы от леденца, что ты отдал той девчонке.

— Дурак, — улыбнулся Грей.

выслушивал нытье непутевого друга, который сразу же съедал заработанное.

Кстати, о непутевых друзьях. Винс, наслаждаясь лакомством, перестал смотреть под ноги. Через секунду он уже оказался сидящим на асфальте.

— Винс, ты дурак, - сквозь смех подтвердил факт Грей. Грех не посмеяться над лучшим другом, тем более если этот друг по совместительству еще и главный соперник во всем. По такому правилу и жили эти двое. Однако это не мешало им вместе выживать без родительской опеки и постоянного места жительства.

— Сам такой, — обиженно промямлил Винс, потирая ушибленное место. — О, смотри, — не успев встать на ноги, он заметил сидящую неподалеку заплаканную девочку восьми лет. Ее русые волосы растрепались, а платье испачкалось и порвалось в некоторых местах.

— Ты откуда такая? — удивленно спросил Грей, подходя к девочке. Та лишь еще громче заплакала, явно испугавшись незнакомцев. — Да не бойся ты. Вот, держи, — он достал из кармана леденец и протянул его девочке.

Она залилась румянцем и замотала головой из стороны в сторону.

— Ну, бери же, — Винс выхватил сладость из рук друга и положил ее на колени незнакомке. — Ты не смотри, что у него лицо такое. На самом деле Грей добрый.

— Эй, какое это у меня лицо? — возмутился мальчик.

Пока друзья разбирались, что не так с лицом Грея, девочка, поняв, что никакой опасности они не представляют, вытерла слезы и посмотрела на лежащий леденец.

— Мама... покупала мне такие же, — прошептала она, сдерживая новый порыв слез.

— Так ты потерялась что ли? — на заданный вопрос она лишь кивнула. — А как зовут?

ВЕСЕННЯЯ

Девочка с глазами из синего льда тает под лучами обжигающего солнца. Рассыпается на беззвучно порхающих в небесной вышине бабочек. Разноцветными крыльями ложится на талый снег, выжигая на почерневших сугробах узоры-лабиринты. Возрождается зелеными листьями-парусами на костлявых ветках деревьев. Доносится бодрой песней вереницы птиц, сплетаясь воедино с тонкими голосами. Укутывается теплыми лучами апельсинового солнца.

Весенняя девочка горько плачет. Горячие слезы ломают сосульки, разбиваясь на тонкие ручейки. Журчат, унося ее сделанный бумажный кораблик в сказочную страну, где вечная зима.

Не плачь, девочка, зима в последний раз улыбнется, плетя для тебя ледяной венок. Он растает, впадая в лазурные волны твоих волос. Не грусти, весенняя, вдохни жизнь в новый букет.

Весенняя девочка плетет цветочные мосты к новому миру, где всегда светит лимонное солнце. Ее часы отсчитывают на раз-два: последний цветок распустит свои лепестки, птица в последний раз возьмет самую высокую ноту, на небо прольется вишневый сок, впитываясь в ватные облака. Она улыбнется в самый последний раз и, надвинув на глаза соломенную шляпу, скроет слезы. Проказник ветер унесет ее последний вздох.

Весенняя девочка, не лей попусту слезы. Твое время еще не пришло. Не плачь, девочка, наступай на пятки проклятой зиме, заставь придиру-лето ждать, танцуй босиком по росистой траве и смейся до коликов в животе.

Живи, весенняя!

Твоя жизнь — всего лишь миг в этой бесконечной пляске миров.

УЛИЧНЫЕ БРОДЯЖКИ

— Спасибо, ребятки, — полный продавец с проглядывающей сединой добро улыбнулся двум мальчикам лет одиннадцати, каждый день приносящим ему газету со свежими сплетнями. Он внимательно посмотрел на них и заглянул в свою перекинутую через плечо сумку.

— Держите, — мужчина вручил им две золотые монеты и протянул каждому по леденцу.

— Спасибо, — широко улыбнулся один из мальчиков, пихая друга в бок.

— Ага, спасибо, старик, — другой в отличие от своего жизнерадостного напарника сказал это более равнодушно. Продавец лишь глухо рассмеялся и скрылся за прилавком, возвращаясь к работе.

Друзья направились на поиски места, где можно переночевать: их работа на сегодня закончена.

— Хорошо сегодня поработали, правда, Грей? — спросил друга Винс.

Идя по бордюру и пытаясь удержать равновесие, он развернул обертку, с довольным выражением лица запихнув леденец в рот. Идущий рядом напарник молча кивнул, убирая сладость в карман штанов. Грей всегда оставлял еду на потом, а вечером

— А мы раньше не встречались? — вдруг спрашивает меня рыжая, заглядывая в глаза. Не дождавшись ответа, улыбается. — Точно! Вы тот дядя. Помните? Шесть лет назад на детской площадке. Нет, все-таки девять.

Удивленно смотрю на нее. Образ неуловимо знакомый. Вот только поймать его не могу, роясь в воспоминаниях. Будто убегает куда-то, не желая вновь встретиться.

— Знаете, а Рыська убежал. Через полтора года после нашей последней встречи, — продолжает она, болтая ногами. Смотрит на уткнувшегося ей в живот кота. Ласково так, поглаживая и мягко улыбаясь. Вновь бросаю удивленный взгляд на нее. Кто же так откровенничает? Странная она, рыжая.

— Эй, Рыжик, ну ты где там? — слышу я сзади. Поворачиваюсь и вижу компанию людей, которые танцевали на площади. Улыбаясь, они машут рукой, торопя свою знакомую. Рыжая отдает мне кота, последний раз бросая на него взгляд.

— Но теперь у меня новая семья, — кричит мне она, махая рукой. А я удивленно махаю в ответ.

Странная она, рыжая. Неуловимо знакомая, затерявшаяся в недрах памяти. И кот, проснувшись, протяжно мяукает, наверное, тоже прощаясь с новой знакомой. А она смеется. Снова заразительно и задорно, заставляя окружающих улыбнуться в ответ.

Она ушла. Наверное, навсегда. Но образ ее удивительно знакомый всегда останется в моей памяти, напоминая о нашей последней встрече.

2013

ВЛЮБЛЯЮТСЯ НЕ В КАРТИНКИ

Влюбляются в неуклюжие черты лица. В неуверенную улыбку, ямочки-впадины на щеках, горькую боль прожитых лет в уголках губ. В непослушные кудри, лезущие в глаза; в короткие, не укладывающиеся никакими гелями волосы; в безумный цвет окрашенных прядей. В родинку на правом плече, острые скулы, плохо скрытые мешки под глазами после бессонной ночи. В веснушки, рассыпанные по щекам солнцем; в небольшой шрам на верхней губе и смешно топортившиеся уши. В маленькую горбинку на носу, покатым лоб и доверчиво глядящие глаза. Глаза — душа человека, раскрытая нараспашку. Оттого они самые красивые.

Влюбляются во вселенную, скрытую под ребрами; в неисследованные миры, которыми живет человек. Влюбляются и исследуют, интересуются мелочами, задавая абсурдные вопросы. Какой чай он пьет или предпочитает кофе; нравятся ли ему полосатые носки и рукавицы со смешными рисунками; какого цвета ботинки он бы никогда не надел; умеет ли он не моргать определенное время; а считает ли по считалочке, когда не может что-то выбрать?

Влюбляются в прикосновения. Нежные, чувственные, дурманящие. В холодные кончики пальцев, водящие по шее и плечам, крепкие или мимолетные объятья; беспорядочные поцелуи в губы, румяные щеки, подрагивающие веки, макушку. Влюбляются и тонут в накрывающих с головой эмоциях.

Влюбляются в улыбку, смущенно прикрытую ладонью; в заразительный смех, подрагивающие от веселья плечи и запрокинутую назад голову. Влюбляются в глупые шутки и неуместные фразы, нескрываемые эмоции.

Влюбляются в спокойных или сумасшедших, домоседов или гуляк, книголюбов или безумно танцующих на улицах. Влюбляются в идеальных. Взрывных, раздраженных, ворчащих, невыносимо неловких, сломанных.

Влюбляются не в картинки.

Влюбляются в людей.

Вдруг кот мой, до этого времени на руках моих греющийся, выпрыгивает, выходя на площадь. Танец прерывается. Все удивленно смотрят на кота, таинственная незнакомка тоже. Вновь улыбается, подбирая запуганное ушастое чудо, подпрыгивая, подходит ко мне.

— Ваш? — улыбается она. Снова. И опять озорно и широко, что самому улыбнуться хочется. А что мешает? Улыбаюсь, прижимая свое счастье к груди. А оно, будто недовольно чем-то, вырваться пытается, преданно смотря на девушку. Она смеется. Заливисто так. Заразительно. И, казалось, вся она светится, даря улыбки каждому.

— А можно погладить? — просит она, и глаза ее зеленые, изумрудные почти, сияют странным блеском. Я все еще удивляюсь — как же она мне знакома. Но роясь в памяти, образ ее ускользает, словно песок сквозь пальцы, пропадая в недрах воспоминаний. И виднеются только рыжие, словно ярко-палящее солнце, волосы да широкая улыбка.

Согласно киваю, отдавая котенка в руки девушке. И почему-то не страшно. Доверяю ей. Подсознательно. А она бежит куда-то, вырываясь из толпы. Останавливается, глядя в мою сторону, будто дожидаясь, пока я последую за ней. Ноги, не слушаясь, бегут вслед за девушкой, чьи волосы ярко поблескивают на горящем пламене солнце. Она бежит куда-то, прижимая голову моего маленького друга к груди. И снова смех. Заразительный, заставляющий вздрогнуть и самому засмеяться. От души. Искренне. Как не смеялся давно. Заставляет откинуть все мысли, изо дня в день меня преследующие в сторону, забывая обо всех терзающих душу проблемах.

Вдруг останавливается, меня поджидая. А кот, кажется, уснул, тихо посапывая. Она садится на скамейку, кладя пушистое чудо на колени. Он, клубочком сворачиваясь, продолжает смотреть свои кошачьи сны, тихо мурлыча.

небольшой площадке танцует молодежь. У каждого свой стиль, освоенный только ими и никем другим. Минуту смотрю на представление, поглаживая удобно устроившегося на моих руках кота, искренне восхищаясь талантом молодых людей.

Но вдруг, когда я уже собирался уходить, музыка стихла и на площадь вышла молодая девушка. Волосы ее были ярко-рыжего цвета. Они, плавно спадая кудрями на плечи, смешно топорщились, ничуть не уродуя девчущку. Ей было на вид лет девятнадцать. Легкое летнее платье, рассыпанное в мелкий цветочек, элегантно облегло фигуру. Озорно улыбаясь, девушка попросила включить музыку. Заиграла приятная мелодия, ласкающая слух, а люди, будто боясь помешать, расступились, предоставляя девушке всю площадку. Рыжеволосая, продолжая улыбаться, начала танцевать, ступая стройными ножками по асфальту.

А танец ее легкий, будто в небе парит, словно птица, взлетая в воздух, мягко опускается на землю. И танец ее отдаленно мне что-то напоминает. Всплывает на поверхность в подсознании, но когда пытаюсь дотянуться до него руками, исчезает, дымкой растворяется. Она кажется мне знакомой. Вглядываюсь в черты лица, пытаюсь понять, где же я мог ее видеть? На вид обычная девушка с яркими, почти ядовито-рыжими волосами. В зеленых глазах улавливаю блещущий огонек. И их цвет такой же насыщенный, как и волосы незнакомки. Простая девушка. Единственной выделяющейся деталью были паляще-рыжие кудри. Хотя знакома мне не столь внешность, как ее движения. Резкие, но в то же время мягкие. Плавные, но ритмичные, музыке следующие. Казалось, только ей свойственные. Ступая в такт музыке, плавно разводит руками, не останавливаясь, изящно двигается. Блаженно прикрыв глаза и откинув огненные волосы назад, продолжает танцевать, казалось, не замечая никого.

ЗАПАХ НОВОГО ГОДА

Вы знаете, как пахнет Новый Год? Это запах, который чувствуется за неделю до празднования — ожидание. Внутри все кипит, на месте усидеть не можешь, все ждешь, ждешь заветных чисел. А когда наступает заветный день, обводишь в календаре красивую цифру красным маркером — дождались!

Это запах мандаринов, которые ты наконец-то выпросил у папы. Мандарины всегда вкуснее ближе к Новому Году, хотя разницы, в сущности, никакой.

Это запах ёлки — терпкий, по всему дому чувствуется. И шарики на ней звенят так озорно, что улыбаться хочется. Украшение ёлки — особая часть праздника. В предвкушении достаешь коробку с игрушками, развешиваешь их на длинные ветки, по ходу запутываясь в мишуре и гирлянде, заглядываешь в пугающие шары, смеясь над искаженным

отражением. По завершении отходишь на несколько шагов назад и любишься проделанной работой.

Это запах чудесных блюд, которые на кухне готовит мама. И ты заглядываешь к ней, мол, может, помочь? А сам тихонько съедаешь добрую половину уже приготовленного.

Это запах горячего чая, который согревает лучше пледа. Иной раз заберешься на диван с ногами, в руках кружка зеленого чая, а в душе расцветает лето, несмотря на метель за окном.

Это запах коньков, взятых напрокат. С каждым годом встаешь на коньки, как в первый раз: хватаешься за бортик и руку отца, неловко перебираешь ногами, пытаешься устоять на сколькой поверхности. Со временем привыкаешь и вновь чувствуешь себя мастером своего дела, играя наперегонки с незнакомым человеком.

Это запах снега, что так старательно заметает улицы, заставляя людей проваливаться в сугробы по колено и ругаться без остановки.

Это запах уютных посиделок с друзьями в любимом кафе с разговорами о предстоящем празднике.

Это запах шоколадных Деда Мороза и Снегурочки, которые обычно на ёлку вешают, но ты съедаешь их быстрее, чем кто-либо успеет про них вспомнить.

Запах свечи, которую вы с мамой зажигаете, но с ней постоянно какие-то проблемы: то не зажжется, то выгорит вся не вовремя.

Запах книги, которую нужно обязательно дочитать, пока не начался новый год.

Запах папиных рук, которые всегда пахнут пылью и сигаретами, хоть и давно бросил курить.

Запах маминых духов, когда она обнимает тебя — крепко-крепко.

Это запах предстоящего Нового.

касясь ее волос.

— Правда, здорово? — вдруг спрашивает она и, не дождавшись ответа, смеется. Искренне, кажется.

— Танец — это жизнь. Без него и мечты нет. У меня никого не осталось, только Рыська и танцы.

Она грустно улыбается, не желая останавливаться. От этой улыбки в груди щемит, тоска впитывается в кожу, проникая в организм, и разливается жгучей жидкостью по венам.

— Ой, Рыська куда-то убежал, — вздыхает она, будто не замечает, как у меня руки трясутся, или не хочет замечать. — Надо найти его, а то вдруг в неприятность попадет.

Улыбается. В последний раз. Отпуская меня, бежит куда-то, не оглядываясь назад. А я просто стою на одном месте, не смея двинуться, боясь до конца разрушить хрупкое счастье, что рыжая оставила после первой встречи. Я смотрю вслед убегающей девочке с огненно-палящими волосами и зелеными, почти изумрудными глазами, молясь за ее счастье и надеясь на еще один танец.

III

— Дядя, это ваш котенок? — спрашивает подбежавший ко мне мальчик семи лет. В руках он держит маленького котенка. Белоснежного, словно чистый лист бумаги, с двумя маленькими рыжими пятнами на лбу и кончике хвоста. Улыбнувшись, утвердительно киваю, принимая свое сокровище обратно. А темноволосый паренек, хихикнув, скрывается в собравшейся вдруг толпе. Люди, встав в круг, заморожено на что-то смотрят. Любопытство берет надо мной верх, и я пробираюсь сквозь толпу, пытаюсь найти источник шума. С каждым шагом слышу звук музыки и, утвердительно кивая, иду. Еще мгновение и, расталкивая людей и извиняясь, выхожу на главную площадь. Слышу музыку, а она будто громче становится, приветствуя новых зрителей. На

года три назад мы здесь же встретились?

Присматриваюсь. И правда. Огненно-рыжие локоны волос, чуть длиннее, чем прежде, спадают на хрупкие плечи; конопушки по милому личику рассыпаны; улыбка — как же я мог ее забыть? — широкая и, казалось, искренняя; а глаза ярко-зеленые изумрудные почти, в упор смотрящие, грудную клетку прожигающие и в душу глядящие.

Неловко улыбаюсь, отводя взгляд, чтобы избавиться от этого непонятного чувства... страха? Страшно смотреть в эти бездонные глаза. Охватывает чувство, словно заглянешь внутрь и упадешь в бесконечную пропасть, задыхаясь в чужом горе.

Она смеется отчего-то. Помню. Так же, как и тогда — весело и задорно. И заразительно так, что самому сложно смешок сдержать. Секунда — и я смеюсь вместе с этой странной девочкой, хватаясь за живот. Странная она, рыжая.

— А давай танцевать? — знакомые слова. Вновь, хватаясь за край рукава, тянет за руку. Снова тащит меня против моей воли в центр детской площадки, которая за пролетевшие три года ничуть не изменилась. И вновь пытается дотянуться до плеча. Неудача снова. А она не сдаётся, пытаюсь допрыгнуть до недостижимой цели и, наконец, ухватившись, широко улыбается.

- Теперь-то знаешь, как танцевать? — усмехается рыжеволосая, ступая первая в сторону. И, не заметив, мы начинаем кружиться по площадке, будто она и не детская совсем, а настоящая сцена, где, погрузившись в танец, кружатся две тени, ступая на известный только им счет. И снова ветер, разыгравшись, балуется с подолом ее платья. И волосы ярко-рыжие бережно развеивает в воздухе, боясь причинить боль. Девочка, прикрыв глаза, улыбается мягко так, наслаждаясь лучиками солнца. А они, казалось, будто приветствуя старую подругу, улыбаются в ответ, осторожно

ЛИМОННЫЙ ДЖЕК

I

01.06.

По городу широкими шагами гуляет солнце, стучась в оконные рамы, барабанит звонкими лучами по заборам, пробегает по черепичным крышам, задевая натянутые антенны.

Первый день: у Джека много дел. Промчаться вихрем по квартире, подняв на уши

домашних: «Вставайте, лежебоки, сегодня начало новой жизни»; залезть на стул с ногами, мешая огромной ложкой хлопья в виде букв, что складываются в шоколадное «л е т о»; пробежать по раскаленному асфальту босиком, слыша шепот ветра, путающегося в неуклюжих пальцах; улыбнуться миру, оживающему под лучами теплого солнца.

Он вертит в руках ядовито-желтый лимон и закрывает им слепяще яркое пятно над головой. Джеку нравится, что в его ладонях второе солнце, а если его разрезать на тонкие дольки — получится так много, что можно согреть целую Вселенную.

Первый день: у Джека много мыслей.

Лимоны кислые, но если их посыпать сахарной стружкой, то получится цитрусовый взрыв на кончике языка. Солнце тоже — кислое, ведь слепит глаза и не позволяет любоваться им. Джек думает: если улыбнуться и подружиться с солнцем, то оно, вероятно, будет того же необычного вкуса,

что и подслащенные лимоны.

Первый день.

Джек дружит с солнцем и пьет лимонад, любуясь нарисованной лимонной долькой на пастельном небе.

II

10.06

Хранитель снов обнимает уставший город, плетет из тонких золотых нитей картинку, которые растворятся с первыми лучами солнца, пробивающимися сквозь ночное небо. Задернутые с недовольным бурчанием шторы отгонят Мастера, и остатки сна слетят с опущенных ресниц, исчезая до следующей ночи.

Ноль-семь-ноль-ноль: Джек не спит.

Из приоткрытого окна доносятся первые признаки жизни, на подоконнике лежат собранные вчера одуванчики, миниатюрные копии солнца, отчего в комнате пахнет летом. Джеку нравится каждое утро здороваться с летом, попробовать на языке эти четыре буквы, тянуть гласные и ждать ответа. Лето всегда здоровается по-разному: порывом ветра, щебетом птиц, запахом скошенной травы. Джек улыбается и кивает — день начался.

Ноль-семь-три-ноль: Джек выбегает из дома.

На вокзале гудят поезда. Джеку хочется запрыгнуть в вагон и уехать далеко-далеко, в чужие страны, где воздух пахнет по-особенному, жизнь идет в другом ритме, а неизвестность накрывает волной, отчего сердце гулко стучит о ребра. Уехать, чтобы вернуться с перекинутой через плечо дорожной сумкой и огромным багажом впечатлений; чтобы рассказывать о горах, уткнувшихся в небо, о море, шуршащем белой пеной, о небе, на котором облака плывут так низко, что можно ухватиться за вздутые бока и прокатиться на них по всему свету.

хочется. Хочется просто побыть еще с этой странной девчонкой с рыжими, как пламя, волосами и изумрудно-зелеными глазами.

II

— Мяу, — слышу где-то внизу. Опускаю взгляд на землю и вижу котенка. Рыжего без единого пятнышка. Яркого и теплого, как палящее пламя в домашнем камине. Кот, промурлыкав что-то, трется о мою ногу, блаженно прикрыв зеленые глазки. И что-то напоминает мне в этом незнакомце с огненной шерсткой, доверчиво смотрящем мне в глаза. И хочется мне его погладить, бережно прижав к себе, слушая довольное мурлыканье у себя под ухом.

— Рыська! — слышу я, не успев взять котенка. Тот лениво зевнув, потопал, наверное, к своей хозяйке, гордо приподняв мордашку. Подняв взгляд вверх, вижу, смотрит на меня девочка с такими же, как и шерсть кота, волосами, а глаза зеленые-зеленые изумрудным оттенком отдаются. И смотрит на меня так пристально, что мурашки по коже стайками пробегают, несмотря на светящуюся улыбку на лице. Будто насквозь взглядом прожигает, изучая меня. Казалось, даже не моргает совсем. Смотрит только и улыбается, показывая ряд ровных зубов.

А улыбка знакомая до боли в глазах. Так же, как кот ее, за ногами спрятавшийся, лапками прикрывающий рыжую мордочку. Девочка продолжает смотреть, не шевелясь, будто вспомнить пытается что-то, заглядывая изумрудными глазами мне в лицо. И, казалось, вспомнив, улыбается еще шире. А в глазах грусть неведомая таится. Говорят, они показывают душу человека. Ее глаза, будто плачут, зовя на помощь, всхлипывают, будто море волнами хлещет, пытаясь достучаться до недосягаемого берега.

— Ты... Да-да, это ты! — восклицает рыжая, тыкая пальцем мне в лоб. — Я помню тебя. Ты тот дядя... Помнишь,

второй пытается дотянуться до плеча. Неудача. И вот, забыв о недостижимом плече, хватает меня за локоть другой руки. Начиная кружиться, звонко смеётся, блаженно прикрыв глаза. Ветер игриво развивает непослушные рыжие локоны, будто дразня. А она, наслаждаясь солнечными лучиками и безграничному ветру, продолжает кружиться, завлекая меня в танец. И вот уже пустынная детская площадка начинает наполняться детьми с любопытными глазами и яркими улыбками. Она, выпорхнув из моих объятий, подхватывает какого-то стеснительного мальчишку, кружась с ним в лёгком танце. И шаги её невесомые, только сейчас замечаю, будто летит, едва касаясь земли. С губ ее по-прежнему не спадает улыбка, уже не радостно-широкая, а просто лёгкая. И вдруг, в одно мгновение, я замечаю, что площадка наполнилась танцующими детьми. А рыжеволосая затерялась где-то в толпе. Ищу её взглядом, пытаюсь заметить рыжие пряди и улыбку, свойственную, казалось, только ей. Безуспешно. Она будто испарилась, исчезнув огненным сиянием, оставив после себя минутку счастья.

Уже потеряв надежду отыскать ее, слышу звонкий голос и чувствую, как кто-то тянет меня за рукав пиджака.

— Смотри-смотри, кот!

Девочка святящимися глазами наблюдает за рыжим котом. А он, свернувшись клубочком на ее коленях, приятно мурлычет, прося погладить огненную шерстку. Она, озорно хихикнув, исполняет просьбу, попутно смотря мне в глаза. Я не могу оторваться от этой парочки: уж сильно они друг на друга похожи и в то же время безумно разные. С огненно-рыжей шевелюрой, но один спокойный, просящий ласки кот, а другая озорная, взбалмошная девчушка с веснушками на лице.

— Я заберу его домой. Сейчас отнесу его, покормлю и вернусь. А ты никуда не уходи, — кричит мне она, уже убегая в неизвестном направлении. А мне и правда никуда уходить не

Утро. Джек чертит линии на карте и здоровается с летом, приветливо улыбаясь новому дню.

III

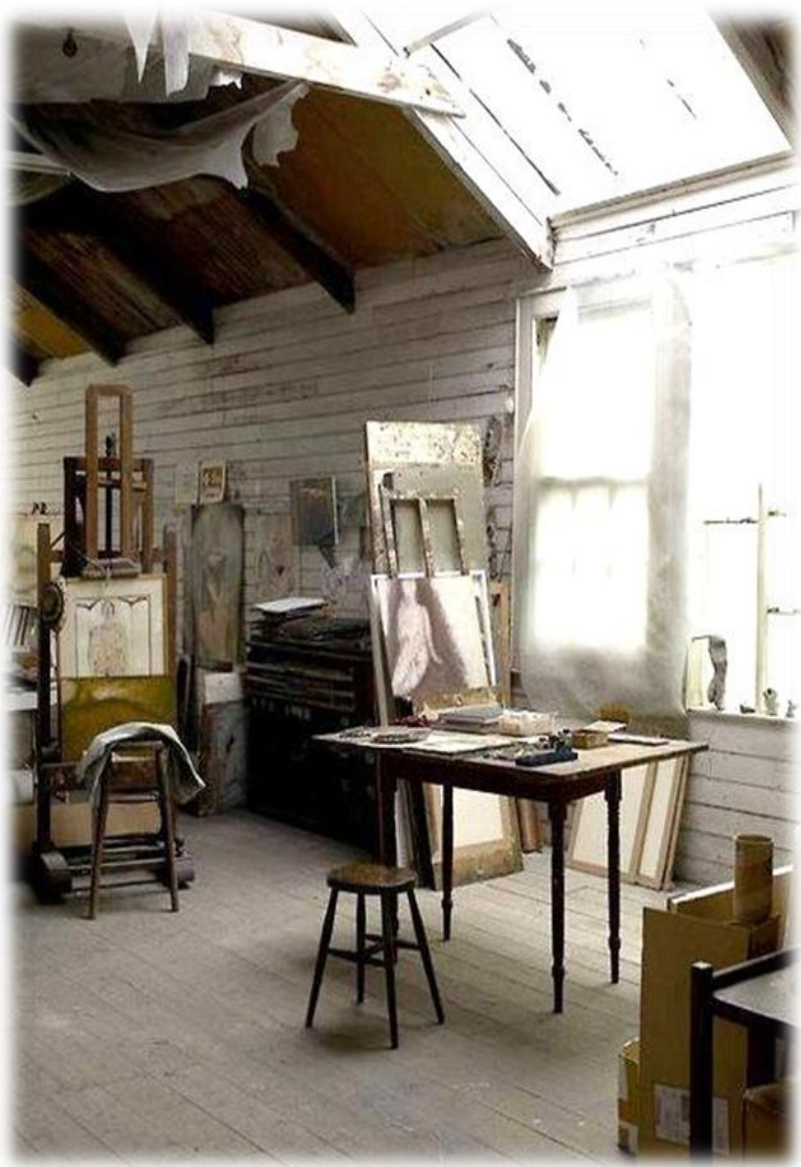
03.07

Летние радости приятно колют сердце: распахнуть окно, вдохнуть знойный воздух полной грудью, подставить лицо навстречу лучам и тихо засмеяться, боясь обидеть солнце.

Солнечный день: Джек бежит по полю.

Дикий, неукротимый ветер толкает его в спину, заставляя ускорить шаг, треплет пшеничные волосы и завывает веселую песню. Джеку кажется, что еще немного и прохладный поток воздуха подхватит его, оторвав босые ноги от земли, да унесет, закружит в безумном танце в такт шелестящим листьям. Он чувствует жизнь в каждой клеточке своего организма, и чувство свободы заполняет его до краев, выливаясь звонким смехом и сорвавшимся с губ радостным возгласом.

День-из-солнца: Джек собирает цветы.

— Смотри, солнышко. Правда, прямо как настоящее? Смотрю на песочную фигуру. И правда, солнце. С такими же большими преданными глазами и веснушками на щечках. И даже оно улыбается, беря пример с создательницы. Согласно киваю, а в ответ опять заразительный смех.

— Я люблю солнце. И оно меня любит, — говорит уже непривычно серьёзно, показывая пальцем на веснушки.

Странная она, рыжая. Хотя действительно любимица солнца. Вон, какие огненно-рыжие волосы. Глаза яркие, блестящие. Улыбка озорная, тёплая. Маленькое подобие солнца. Кажется, и светится вся.

— А давай танцевать? — вдруг просит она и, не дожидаясь ответа, тянет меня на себя. Удивлённо смотрю в глаза, внушающие доверие. И ноги сами, не слушаясь, идут вслед за девочкой с ядовито-рыжими волосами. Она тянет меня на середину детской площадки, не желая отпускать маленькими ручками мою. Наконец добравшись до цели, она смотрит на меня своими изумрудными глазами, вопросительно вскинув бровь.

— Ты что, танцевать не умеешь? — удивленно спрашивает, приближая лицо, всматривается и, будто поняв что-то, утвердительно кивает. — И правда, не умеешь. Но не переживай, я научу.

Берёт меня за руку и начинает обходить воображаемый круг, поднимая одну ногу за другой. Заставляет повторить, а я, забыв о глупом виде и очень неудобном костюме, копирую ее движения. Она, энергично кивая головой и по-прежнему улыбаясь, поднимает большой палец кверху, замуривая один глаз от яркого солнечного света. Озорной лучик пробегает по ее личику, переходя на рыжие волосы. И они будто еще ярче становятся, впитывая всю силу небесного огня.

Теперь меня ждет новое испытание. Взяв меня за руку,

РЫЖАЯ

I

— Привет, — подбегает ко мне незнакомая девочка. Её рыжие, будто ярко-палящее солнце, волосы плавно спадают с плеч. Кучерявые, смешно топорщившиеся локоны и яркая улыбка. Девочка лет десяти с перевязанными бантами хвостиками и беспорядочно рассыпанными на носу и щеках веснушками.

Почему-то хочется улыбнуться ей. Кривое подобие улыбки, а в ответ заливистый смех. От него путаются мысли, в голове вертятся множество вопросов. Ответы на них я не спешу искать, пусть себе кружатся в беспорядочном танце. Главное — ещё раз услышать звон-перезвон колокольчиков в её детском смехе.

А она, будто не замечая моего присутствия, начинает лепить из песка разные фигурки. С улыбкой и тихим хихиканьем убирает с лица непослушные волосы и поднимает глаза. И только сейчас замечаю, что глаза-то зелёные, почти изумрудные, скрывающие причудливую тайну. Смотрит на меня и улыбается, отряхивая прилипшие к платью песчинки.

МГНОВЕНИЕ

Скрип карандаша о бумагу, движение рук — резко, обрывочно или плавно, размашисто; зачерпнуть кистью краску и провести линию, вдыхая жизнь в плоский силуэт; сосредоточить взгляд на маленьком мире, расположившемся на полотне.

У художника руки испачканы в краске, как будто не нуждается он в палитре и кистях. На руках вычерчена желтая линия жизни, измазаны синим подушечки пальцев, словно и бумага ни к чему — вся жизнь в его грубых, мозолистых ладонях.

Он ходит босиком по скрипучим половицам, мечется из угла в угол, хватается за голову, задыхается. У художника под ребрами — перевернутая верх дном Вселенная: стучит, пульсирует, колотится о грудную клетку, не унять никак. Отодраны обои, разрисованы стены, и на той стороне двери одиноко висит табличка: «Не беспокоить. Ловлю Мгновение».

А на картинах — люди. Счастливые и сломанные, летающие и тонущие, смеющиеся и плачущие. Люди разные, люди похожие: засевший в голове образ. Люди с глазами-океанами (не утони), со скулами-лезвиями (не поранься), с душами-лабиринтами (не заблудись). Смотри, но не трогай, иначе спугнешь Мгновение.

А на картинах — пейзажи. Одинокое города, мигающие огоньки фонарей и фар, задернутые шторы и скрипучий звук старой гитары. Шепчущее сказки море, шипящая пена, лижущая берег, и надрывающиеся крики чаек. Умирающее и возрождающееся из пепла солнце, стучащееся изломанными лучами по окнам, искрящееся надеждой на счастье. Тонущее в многообразии цветов поле, венок, слетевший с кудрявой макушки, и разрывающие крыльями воздух птицы. Смотри, но не трогай, иначе сам упадешь, утонешь в нарисованном мире.

Художник сам — тонущий, опутанный нервами-нитями. Еще немного и упадет камнем на дно. Он шепчет имя, бьется в горячке, заливаается надтреснутым хохотом, воет протяжным криком. Мгновенье не поймаешь, оно любит играть и убегать, а когда приходит тихо, крадучись, бормочет на ухо: «Я — Мгновение. Я пронесусь северным ветром над головой, пробегу по крышам домов, ворвусь в твою скучную, серую Вселенную — жди меня. Я постучусь в окно, проберусь сквозь щели, в воздухе растворюсь, но проникну в каждую клеточку твоего организма — почувствуй меня. Запиши имя мое: выгравируй на запястье черной ручкой, нарисуй на потолке и стенах, попробуй на вкус шуршание гласных — запомни меня. Я — Мгновение».

Он ждет. Не выходит из комнаты днями, неделями, месяцами. Он чувствует. Сдирает кожу, разрывается на части.

Он помнит. Каждую черту, каждый звук ненавистного имени.

Скрип карандаша о бумагу. Нельзя снова упустить, надо поймать.

... А на картинах — белые пятна.

засыпаю. До следующего пункта пять часов езды...

Я открываю дверь в свой карточный домик и вдыхаю запах сгоревшей мечты. Сажусь за противно шумящий компьютер и открываю текстовый редактор. «Если бы я была путешественником...». Курсор мигает на незаконченном предложении. Я закрываю глаза и жалею, что мое путешествие всего лишь плод воображения.

Если бы я была путешественником, я бы сорвалась с места и уехала. Я бы уехала далеко-далеко — и никаких сожалений.

что попадет на глаза: фонтан, высокие здания, незнакомых людей, дурачившегося друга и даже птиц, летящих гордой стаей по ясному небу. Солнечные лучи бегают по лабиринту зданий, заглядывая в окна мирных жителей, а затем радужными бликами блестя на водной глади шумящего фонтана. Я успеваю запечатлеть каждый миг, из которых позже создам целую картину нашего путешествия.

Не успеешь оглянуться, как невидимый художник разрисовывает толстой кистью небо в угольный цвет. Люди по-прежнему бездумно шагают по каменным плитам, но тишина, словно мягкое покрывало, укутывает ночной город. И лишь тихий скрип шарманки растворяется в темноте, а старый шарманщик снимает шляпу, приветствуя каждого прохожего.

Мы едва успеваем, когда уличный лавочник уже собирает вещи. Красный и явно недовольный неожиданным покупателем, он все же приветливо улыбается и продает леденцы на палочке. Сахарная сладость тает во рту, а после остается радужным пятном на языке, отчего мы смеемся друг над другом, успевая сделать еще один снимок.

Небо пронизано звездами-ориентирами, и хочется пересчитать их все, дотянуться до каждой и сорвать хотя бы одну, бережно положив в шкатулку — на удачу. Над нашими головами одно небо, тонущее в звездном дожде, но в разных частях света впечатления разные. Алмазное небо подмигивает в ответ на восхищенный взгляд и бессмысленные речи, однако не менее поэтичные, чем те, что чернильными буквами исписаны на листе бумаги.

Утром мы садимся в машину с излишне разговорчивым попутчиком. Путешествие автостопом всегда пугало меня необычностью и риском, но я никогда не сворачивала с намеченного пути. Главное правило путешествий — никаких сожалений! И трясясь в полуживой машине под скучный монолог друга о технике, я ничуть не сожалею, а всего лишь

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

Смотреть в глаза смерти страшно. Они — черные дыры с обрубленными краями побледневшей кожи. Браться за услужливо протянутую руку жутко. Она — голые кости.

Алиса не смотрит, не тянет руку и не следует за подолом черного шелка. Глаза закрыты — в поле зрения постоянно мелькает лицо обеспокоенного отца. Руки безжизненно лежат на белоснежной простыне, их почти не чувствует.

Отпускать смерть с добычей — невыносимо больно. Ее отец боится потерять блеск карих глаз, родинку на правом предплечье и солнечные нити, спутанные на подушке. Он боится терять, поэтому приобретает крупицу нового.

Чтобы существовать, нужен миллионный круг клубничного сиропа по ветвистым трубам.

Чтобы жить, нужен ритм, отбиваемый чечеткой, под ребрами. Алиса существует дольше дозволенного. У нее в груди — сложный механизм. У Алисы под кожей змеипровода, тянущиеся к механическому сердцу сквозь поржавевшие артерии. Кусок металла звенит, скрипя железными колесиками. С хрустом поворачиваются рычаги, хрипит обрывистая песня медных шестеренок, заливается хохотом скрипящая сталь. Глумится временной счетчик над несуществующей Алисой.

У Алисы в груди — взрывной механизм. Отсчитываются часы, минуты, секунды. Слышится тихий визг встроенной бомбы: кажется, вот-вот взорвется.

Разлетаясь на кусочки, Алиса думает, что любовь — лишь слово на полях забытой тетради, написанное ровным почерком с завитком на букве "л". Она помнит, что любила. Отца, слова, рассыпанные на бумажных переплетах, впитанные в мысли; впутанные в ее лимонные вихри любимые ромашки; жизнь.

Макс врывается в ее жизнь стремительно и внезапно с широкой улыбкой. Алиса думает, что теперь не может почувствовать колики в животе от надрывающегося смеха.

Перед ней незнакомец — в будущем верный друг, — протягивающий руку. Она пытается улыбнуться, отдергивая ледяную руку из крепкого рукопожатия. У Макса глаз-алмаз: он не может не заметить тускнеющий взгляд, складку на переносице и подрагивающие уголки губ.

У Макса сердце большое, необъятное. Он делит жизнь на двоих и протягивает руку. Она думает, что теперь падать будет не так страшно.

Он смеется с надрывом, по-сумасшедшему. Она улыбается почти по-настоящему.

Он бежит вперед по неровной дороге жизни. Она неловко ступает ногами по каменистой поверхности.

Он дурачится и корчит рожи на фотографиях. Она неуверенно смотрит в объектив камеры.

Он греется под лучами рыжего солнца. Она укутывается в теплый полосатый плед.

Он смотрит картинки в детских книгах. Она читает про любовь.

Макс живет. Алиса делит свое существование с ним.

Говорят, когда обнимаешь любимого человека, сердце сходит с ума. У Алисы в груди — груда металла. Механизм разливает кровь по трубкам-капиллярам, отсчитывает годы ее не-жизни.

У Макса сердце большое, горячее. Он делит его на куски и протягивает ей вторую половину.

Алиса существует дольше дозволенного.

Алиса живет ровно половину жизни Макса.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Мое путешествие начинается еще дома, который сейчас напоминает мне спичечный коробок — маленький, картонный и пахнет сгоревшими мечтами. Кажется, хрупкие стены вот-вот рухнут, подобно карточному домику, и убежать хочется как можно дальше, где нет дверей и серости стен. Завтра... нет, ровно через пятнадцать часов тридцать две минуты я буду ехать навстречу приключениям.

Вещей как всегда много, а места в чемодане слишком мало, и подобный каламбур вызывает смешанные чувства. В голову приходит мысль достать рюкзак, пихнуть туда щетку с расческой и ничего больше. Неплохая идея, учитывая, что это лучше, чем ходить с огромной сумкой ненужных вещей.

Я слежу за рукой друга, чертящего маршрут на карте. С этого ракурса кажется, что мир — человеческий организм с ветвистыми путями-капиллярами, охватывающими каждую клеточку тела. Он живет, дышит! Все в движении: машины, люди и даже дорога под колесами вагона будто следует за нами. Пейзаж за окном сливается в одно пятно цитрусовых красок: лимонный — яркое солнце на ультрамариновом небе, изумрудный — колючая трава, и кажется, если коснешься — порежешься. Совсем скоро мы будем в первом пункте назначения.

Путешествие — маленькая жизнь. Как каждый не хочет знать, что ждет его в конце жизненного пути, так и я не спешу сходиться с последней ступени вагона. Дорога вдохновляет, покачивание поезда и мирный стук колес о рельсы успокаивает, словно шепчет на ухо колыбельную, усыпляя. Громкая музыка в наушниках и сборник стихов в руках — мои вечные попутчики, с которыми мне сложно расстаться. Но я уверяю себя, что это только начало.

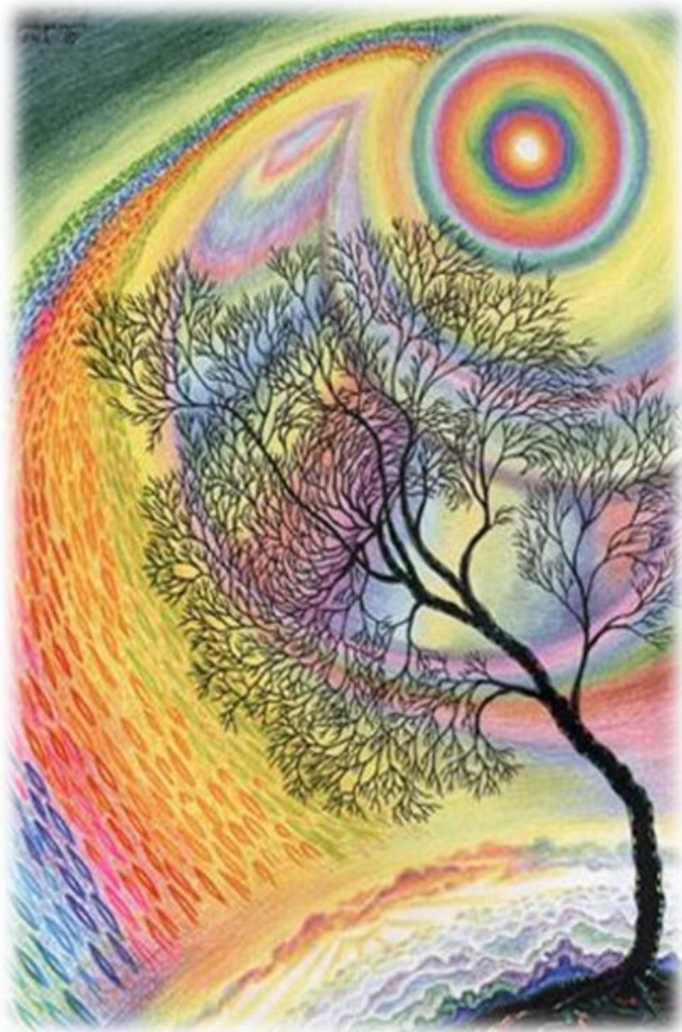
Скинув рюкзак на кровать в дешевом отеле, я хожу по узким улицам города с фотоаппаратом в руках. Снимаю все,

— У поэта есть свой мир. Зачем мне другие страны, путешествия? Так можно сойти с ума.

Она смеется истеричным хохотом. Уходит, громко хлопая дверью и крича: «Adieu!».

Поэт возвращается в свой сумасшедший мир. Скоро он ее забудет.

Она не картинка. Она просто нормальная.

МУР

Он тихо сидел, прижавшись к углу просторной комнаты, и всеми силами старался не привлекать к себе внимания, четко поставив перед собой цель слиться со стеной в единое целое. Как черный комок шерсти мог слиться с бежевыми обоями, его, конечно же, мало волновало. Кот нервно дернул ухом, услышав раздражающее: "Кис-кис-кис", и уткнулся носом в лапы, презрительно фыркая на источник странных звуков. Ему здесь явно не нравилось.

Мало того, что его непонятно зачем притащили из родной помойки в огромную коробку, так еще и окунули в воду, которая неприятно щипала глаза. Возмутительно!

Здесь много странных вещей: большой картон на стене с мелькающими картинками, оружие мусорные баки (он не был уверен, что это именно они, ведь привычные ему мусорные баки не издавали никаких звуков) рядом, огромный мягкий монстр (с которым он, к слову, уже успел сразиться) и многое другое. Кстати, та длинноносая штука в другом углу коробки явно нарывалась на драку (хотя честно признаться, он ее немного побаивался, но мы будем держать это в секрете, дабы не смущать нашего маленького героя).

— Папа, прекрати его мучить! — послышалось со стороны, и

раздражающие звуки прекратились. К нему подошла девочка с такими же голубыми глазами. — И как же мы тебя назовем? Усатик? — она звонко засмеялась.

Кот фыркнул. Ну не виноват он, что природа подарила ему белые пятна на морде в виде усов.

— Мур, — протянул он, всем видом показывая, что не нуждается в подобном роде имени. Ему бы что-нибудь изящное, звучное.

— Мур? Хм... так и назовем. Ты милый, Мур, — она неуверенно погладила его по голове.

Новоиспеченный Мур издал непонятные звуки, но сопротивляться не стал. Все-таки имя неплохое, запоминающееся.

У поэта не было масок. У него было много лиц, эмоций, но все они настоящие, слишком откровенные, слишком личные. Он мог просто сидеть на старом потрепанном кресле и смотреть куда-то в стену, будто там что-то, что никак не дает ему покоя. Укутавшись в теплый плед,— пусть даже на дворе разгар лета! — он буравил стену тяжелым взглядом.

Он мог бегать по комнате, разбрасывать вещи, скидывать в порыве ярости книги с полок, чайный сервиз со стола. Следить, как фарфор разбивается и блестит маленькими осколками на солнечном свете. Он мог рвать на голове волосы и так громко дышать, что, казалось, ему просто не хватает воздуха.

Он мог смеяться так громко и заливисто, что появлялись слезы на глазах. Смех у него всегда разный: надменный, насмешливый, скользкий, будто поддельный и заразительно счастливый. Последний она любила больше всего, потому что сама смеялась так, что живот болел. Смеялась так, как нормальному человеку непозволительно.

Он бывал слишком тихим. В такие моменты поэт предлагал ей раскурить одну сигарету на двоих и выпить бокал вина. Она не отказывалась, слушая его самые грустные стихи, его хриплый, усталый голос. Следила за неловкими движениями и улыбалась.

Он был настолько буйным, что порой заражал ее своей ненормальностью. Они гуляли по ночному городу, забегая в различные бары. Она читала его стихи, еле выговаривая заплетающимся языком слова. Он громко хлопал в ладоши и смеялся. Она, поклонившись, сползала со сцены, и они убегали от разозленных посетителей.

Она все ближе подбирается к грани. Шаг. Еще шаг. И еще.

— Я уезжаю. Работа. Составишь мне компанию?

Одно слово, и линия позади.

ПОЭТ

Поэты — сумасшедшие. Каждый в разной степени. Кто-то топчется на одном месте, не решаясь перейти линию невозврата, а кто-то уже давно вышел за грань.

Она думает, что он самый ненормальный из всех сумасшедших вместе взятых. Ей нравится слушать его стихи, иначе она давно бы ушла, оставив его наедине с музыкой. Но она сидит и смотрит, как поэт, лихорадочно ходя из угла в угол, проникновенно читает недавно написанные строки. Она сидит за линией нормальности и слушает, слушает...

Он не знает, нет, не помнит, кто она такая и что делает в его маленькой однокомнатной квартире. Поэт отбрасывает, стирает из памяти серые следы прожитых лет. У него в голове лишь яркие пятна, кадры-картинки, проносящиеся перед глазами, словно фильм.

Она не картинка. Она просто нормальная.

Поэты странные. Сегодня он не будет помнить тех, с кем познакомился вчера, а спустя десяток лет будет воспевать черты той-самой-женщины.

Она не была той самой. Для нее он никогда не писал стихи. Она не обижается, просто думает, что:

— Ты глуп, — вертит в руках книгу, открывает ее, пролистывая пару страниц и вновь закрывает.

— Все мы глупы, — в его голосе слышится раздражение. Она помеха, искажение его ненормальной реальности.

— Ты в бесконечной степени.

— Что такое бесконечность для поэта?

Его смех громкий и тяжелый, с неестественной хрипотой. Она кладет книгу на невысокий столик и смотрит на него слишком внимательно. Пытается узнать, что творится в его голове, но думает, что поэт слишком сложный для ее понимания.

ОРАНЖЕВОЕ НЕБО

Оранжевое небо — кусок апельсинового торта. С цитрусовым взрывом и сладким бальзамом на сердце.

Там облака тонут в вишневом соке,

впитывая его сахарными боками. Сквозь них нельзя пролететь — лишь утонуть в мягком покрывале.

Там летают птицы-бабочки, пестрыми крыльями разрывая апельсиновую кожуру. Оттуда фонтаном льется сливовая шипучка, разбрызгивая пузырьки воздуха.

На оранжевом небе видны капли-блики от идеально круглого солнца. Оно не жжет — греет и улыбается в ответ. В оранжевом небе можно утонуть.

Оранжевое небо крошится в ладонях, оставаясь сладкой пылью на пальцах. Пестрые бабочки кружат над головой, путаясь в волосах; заплетенные в косу ромашки ведут меловыми лепестками и склоняют желтую сердцевину в сторону окрыленных долгожданной жизнью.

В легких пузырится счастье, как шипящий лимонад в знойный день, и солнце касается опущенных ресниц, целует щеки, оставаясь выжженными пятнами на нежной коже.

За бежевые облака не ухватиться — лишь падать, бесконечно падать на упругие бока, стремительно взлетать вниз и, сделав кувырок, оттолкнуться ногами о линию горизонта, возвращаясь к рыжим просторам.

Не бойся, оранжевое небо не жжется. Ты только закрой глаза и падай.

лето, 2014

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

«Здравствуй, мама! Как твои дела? Как Галочка сестрица? Не болеет? Не боится ли свиста пуль, отдающихся эхом, да мимо проходящих солдат с оружием в руках? Коль боится, так закрывай ей глаза и уши, чтобы о брате не думала и об отце, рано покинувшем нас. Я тоже стараюсь не думать, но знаешь, мама, трудно о смерти-то не думать, когда та в спину дышит. Вчера, вон, Петька с ней ушел. Прямо у меня на руках, от тяжелых ран — подстрелен был в плечо и бок. Хороший был парень, молодой. Подружились мы с ним, мама, тяжело теперь на душе. Не с кем больше выкурить сигарету да песню спеть, чтобы страх не душил совсем, а полученные раны острой болью не жгли тело. Он показывал мне фото любимой своей, красавица! Я оставил фотокарточку у него в левом кармане, прямо под сердцем, уже затихшем навсегда.

Мне же за себя не страшно, за вас сердце мое болит. Как бы вернуться ненадолго, увидеть разок да расцеловать, а

потом снова за оружие и в бой. Война не терпит передышки, мама, она и сию минуту внутри каждого из нас, даже когда поле окутано тишиной. Сдаться или сражаться? Убежать или остаться? Второе почему-то всегда побеждает. Победим ли и мы, мама? Я верю, что небо над нами будет свободным и чистым, не продырявленным свистящими пулями, не задохнувшимся в пороховой вони. И вера эта помогает встать с колен и с криком бежать в гущу событий. Я так хочу, чтобы ты увидела это небо, мама!

Умирать не страшно. Умирать обидно. Хочется увидеть флаг наш, поднятый в честь победы, спины бегущих врагов, улыбки на лицах и слезы счастья. Поэтому жить буду, маменька. Обязательно буду и обязательно увижу твою искреннюю улыбку. На этом заканчиваю. Надеюсь на скорое возвращение домой.

Люблю, целую, твой Александр».

Женщина достает из расписной шкатулки письмо, сложенное треугольником. Проводит дрожащими руками по исписанному листу и кажется ей, что чернильные буквы отпечатываются на подушечках пальцев, вбивается в кожу заученный текст и болью растекается по венам.

Рядом лежит второе письмо. В нем сухими буквами написано, мол, умер, Родина будет помнить заслуги. Роковое слово расплылось от упавшей слезы и превратилось в безобразную кляксу. И лишь она помнит. Лишь ее сердце, загнанное в угол, помнит.

Оба письма кладутся в шкатулку и закрываются, подобно сердцу ее, закрытому для счастья и теперь уже свободному небу, навеки хранящему больные воспоминания.